

Командир
Красной Армии

— Мишин! У нас вылет! Живо в машину! — заорал командир нашего экипажа капитан Ермолов, высовываясь из УАЗа-«буханки».

Отбив удар ножом, я оттолкнул руками спарринг-партнера, уводя взмах клинка в сторону, показал ему на машину и, подхватив автомат из импровизированной стойки, рванул к «уазику».

Санька Белкин после контузии плохо слышал, так что нужно было говорить очень громко или просто показывать, чтобы он понял. Контузия — это, конечно, плохо, но для меня хорошо. Где я еще найду такого спеца по рукопашке и ножевому бою? Сам я тоже не плох, но то, что показывал и чему научил за эту неделю Санька, быстро спустило меня с облаков на землю. Чтобы достигнуть таких впечатляющих результатов, мне нужно тренироваться с ним не неделю, а полгода минимум. Ничего, основное он мне показал, осталось только довести движения до автоматизма. Как сказал один мастер рукопашного боя: «Ученик знает пять приемов, доведенных до автоматизма, но он ученик. Молодой воин — десять приемов, он хороший воин. Опытный знает пятнадцать приемов, доведенных до совершенства. Мастер — около тридцати, он считается непобедимым, но нет предела совершенству».

Я владел одиннадцатью приемами рукопашного боя, за четыре года доведенными до идеального состояния, и разучивал еще три. На ножах я оказался не так хорош, середняк, но теперь знал, чему надо учиться, и, думаю,

до дембеля подниму умение на приличный уровень. Хотя бы руку набью. Так что был я крепким середнячком, не более.

Запрыгнув в машину, я быстро осмотрелся. Штурман и второй бортстрелок тоже были тут. Борттехника Палыча в машине не было, скорее всего, он уже у вертолета. Впятером мы составляли экипаж машины боевой. Проще говоря, на своем Ми-8 мы обеспечивали доставку боеприпасов, эвакуацию раненых бойцов спецназа и многое другое. Бортстрелки, конечно, на транспортниках не положены, но все вертушки нашего полка летали с ними. В их числе был и я. Почти два года назад, когда только я попал в этот вертолетный полк, к нам с Игорем подошел молодой офицер в звании старшего лейтенанта.

В то время в качестве бортстрелков практиковалось использовать находящихся на отдыхе спецназовцев или легкораненых солдат-десантников из расположенного рядом госпиталя, где они проходили долечивание. Постоянных не было. Вот одному командиру и пришла в голову мысль взять срочников и обучить их всему, чему надо. Тут и полное взаимодействие, и наработанные со временем навыки, и большой срок совместной службы. Надо сказать, что тот вертолетчик не прогадал и его примеру стали следовать другие экипажи. Но это сейчас, а в тот момент этот самый офицер с интересом рассматривал нас, выбирая будущих стрелков.

Мы тогда стояли у здания штаба, ожидая распределения по подразделениям. Хотя какие для нас подразделения? Готовили нас как бойцов охраны, вот и должны мы были пополнить состав охранной роты аэродрома.

Поэтому все семнадцать человек с интересом посмотрели на подошедшего вертолетчика.

Я не знаю, почему из всех он выбрал нас с Игорем, но с тех пор я хоть и числился в роте охраны, но даже своего ротного командира видел только мельком.

За месяц нас так натаскали в пулеметном деле, что только держись. Нет, конечно, асами мы за это короткое время не стали, но уже кое-что умели. С тех пор и летали в экипаже сперва старшего лейтенанта, потом уже и капитана Ермолова. Были разные случаи, война все-таки, нас один раз даже сбили, пришлось пехом отрываться от преследовавших боевиков. Хлебнули мы тогда, ладно хоть ранениями обошлись, без погибших.

История моя достаточно проста. В восемнадцать лет я поступил в Рязанскую «дурку», но проучился в ней всего два года — была там одна темная история с дочерью начштаба. Поэтому пришлось быстро собирать вещи и сваливать. В родном городе с помощью знакомого военкома я укрылся в армии. Становиться отцом чужого ребенка мне не хотелось. Так я новоиспеченным сержантом и оказался в вертолетном полку.

За два года службы в Чечне я из салабона превратился в пулеметчика экстра-класса и дослужился до старшего сержанта. Но не это главное: до дембеля оставалось всего шесть недель, и — здравствуй, летное училище!!!

Конечно, срок службы при ведении боевых действий сокращался с двух лет до года, но это во время войны, сейчас же, по словам правительства, в Чечне было все мирно. Поэтому срок службы у нас шел один к одному.

— Что случилось? — крикнул я штурману (шумоизоляции в машине не было, поэтому приходилось надирать горло). Мы в это время как раз вырулили из вонгорода и попылили к полосе, где стоял наш полк.

— Наших зажали, нужна эвакуация!

Игорек знал, куда и зачем мы летим, поэтому молчал, отсвечивая выспавшимся и отдохнувшим лицом. У него не было привычки тратить все свободное время на свое физическое усовершенствование. В отличие от него, я это глупостью не считал и за эти четыре года из салабона, которого соплей можно перебить, превратился в «хищного

зверя». Мне так наша повариха прошептала на ухо. Может, приятное хотела сделать, но в спаррингах бойцы спецназа, которые часто квартировали на территории нашего полка, были мне вровень, а один раз в увольнительной я схлестнулся с двумя морпехами и, к своему удивлению, вырубил обоих. Сейчас уже не помню, из-за чего мы сцепились, но свой уровень оценил. Парни были трезвы и готовы к драке.

— Одни идем или с прикрытием? — спросил я, мельком посмотрев на «Грачи» — четыре из них механики готовили к полету.

— С Соловьевым. В прикрытии две вертушки, — кивнул штурман.

Я скривился. Если у духов есть ПЗРК, то нам и вертушки не помогут. Увидев мою мимику, штурман крикнул:

— «Сушки» еще будут. Кстати, наши за перевалом.

— За перевалом? Какого хрена они там делают?! Этот перевал уже год как в лапах у боевиков!

В ответ он только пожал плечами.

Сердце сжало от недобрых предчувствий. Шансы вернуться пятьдесят на пятьдесят. Теперь понятно, почему командир такой нервный, а остальные бледные. Оставалось только выругаться, что я и сделал.

Через минуту «уазик» затормозил у борта нашего вертолета, где двое оружейников снаряжали пусковые установки НУРСами.

Мы быстро заняли свои места. Проверяя, как ходит ствол ПКМа в окошке блистера, я посмотрел на командира. Похоже, он получил разрешение. Пальч снаряжал АГС, что стоял у дверного проема. Через секунду загудели двигатели, еще через некоторое время дрогнули и начали вращаться лопасти винтов. Чуть в стороне готовилась к взлету машина Соловьева, в бойницу я видел ствол пулемета Валерки Варламова — он, как и Игорек, был правобортным стрелком. Я — левобортным, всегда. Дело привычки, работать с правого борта мне будет заметно тяжелее. В отличие от экипажа Соловьева, наш эки-

паж считался счастливым. И действительно, за два года ни одной потери, не считая легких ран. У капитана Соловьева стрелки менялись довольно часто — кто выбывал насовсем, кто в госпиталь. А по телевизору говорят, что тут все спокойно.

Через секунду наш «Мишка» оторвался от бетона аэродрома и, натужно ревя перетруженными турбинами, пошел на взлет. Машина Соловьева последовала за нами. «Крокодилы» должны были присоединиться позже — так часто бывало, обычная практика.

Через полчаса к нам присоединились Ми-24 и пошли вперед, расчищать дорогу.

— Наблюдаю думы, — сообщил Игорь в микрофон.

— Вижу, — ответил я коротко, пристально рассматривая приближающееся поле нашей деятельности...

Очнулся я как будто от толчка. Резко открыв глаза, судорожно вздохнул и осмотрелся, привычно ища рядом оружие.

Увиденное меня изумило: над головой шелестела листва березы.

«Какие, на хрен, березы в горах?» — это была первая мысль. Рывком сев, я бегло оглядел себя.

Мало того, что оказался в лесу, так еще и полностью голый. Состояние — как после слишком долгого сна. Вроде и выспался, но голова чугунная.

С трудом встав сперва на колени, потом, громко хрустнув сучком, на ноги, я покачнулся, ухватился за ствол березы и осмотрелся уже более осознанно. Болело тело после лежания на земле, все-таки не на перине лежал.

«Так, что мы имеем? Судя по положению солнца, сейчас середина дня. Нахожусь я в лесу, причем ни с одной стороны просвета не видать, хотя вроде левее что-то темнеет, навряд ли малинника. Судя по деревьям, я где-то в средней полосе России. Что помню последним? Мы погибли... это сто процентов».

Прищурившись, я стал вспоминать наш последний вылет. Как экипаж подхватил меня со спортплощадки, вертолет, взлет и маршрут в горы. При полете — дымы и трассеры во все стороны на месте боя. Вспомнил, как «крокодилы» обрабатывали подсвеченные спецназом цели. Как мы, пройдясь НУРСами, пошли на посадку и стали принимать раненых. Взлет. Потом попадание в борт из ПЗРК. Видел, как падает Игорь, нашпигованный осколками. Потом попадание в пылающий вертолет из обычного гранатомета, потом еще — и мы падаем. Жесткая посадка, вернее, падение на скалы и начавшийся пожар из-за разлившегося топлива. Не обращая внимания на шевелившихся под ногами раненых, я длинными очередями бил по мелькавшим между скалами боевикам. Палыч раз за разом выпускал гранаты, ставя стену из разрывов и осколков. Как только «улитка» опустела, он подхватил одного из раненых и попытался вылезти в покорёженный дверной проем, но упал, получив очередь в грудь. Помню, как орал, продолжая выпускать остатки боезапаса, когда загорелись ноги и тело, потом взрыв... это все.

Я стоял и тряс головой, приходя в себя.

Игорек был большим любителем историй про попаданцев, посадил и меня, так что никаких рефлексий у меня не было. Этих книг под нашими койками скопилось великое множество, штук семьдесят точно. Короче, сколько их выпустили, все были у нас. Сам Игорь увлекался периодом ВОВ и РЯВ, тогда как я — в основном мирами магии и меча, хотя и военную тематику почитывал. Таким докой, как Игорь, не был, но тему знал. Так что уже осознал, что куда-то попал. Другого объяснения не было. Я был человеком довольно спокойным, и вывести меня из равновесия — это постараться надо, поэтому рефлексий от меня ожидать трудно.

В чужом теле я не оказался. Как было оно моим, так и осталось. Себя я тоже помнил. Виталий Мишин, через три

недели мне должно было исполниться двадцать два года, старший сержант отдельной охранной роты десантного полка. Готовился поступать в летное училище, многие офицеры нашего и не нашего полков помогали мне подготовиться, чтобы я не уронил чести части при поступлении. Сирота, воспитанник детского дома в Санкт-Петербурге. В общем, все про себя помню.

Наверное, я с час так стоял, анализируя последние события, когда краем уха расслышал звонкие голоса и хруст сухих веток под чьими-то ногами.

Спрятавшись за дерево, стал всматриваться в сторону, откуда доносился шум. Видимость была едва ли метров двадцать. Так что пришлось прождать минут пять, пока между деревьями не замелькали две неспешно идущие фигуры.

Это оказались девчонки лет по двенадцать-тринадцать, с заметно тяжелыми корзинами в руках. Самое интересное — красные платки на шеях.

— Пионерки, что ли? — пробормотал я, рассматривая их несколько допотопные платица, платки и босые ноги. В отличие от них, я не был привычен ходить босиком, и это мне доставляло некоторое неудобство.

— А-а-а! — раздался визг, когда я вышел из-за дерева. Побросав корзинки, девчухи сломя голову рванули куда-то в глубь леса.

— М-да, наверное, не стоило показываться им голышом. Да, надо было просто проследить, куда они шли, — пробормотал я себе под нос и, кинув последний взгляд в сторону удавших девчонок, подошел к корзинам.

Естественно, никуда бежать я не собирался. Сперва следовало произвести разведку и понять, где нахожусь. Вернее, в каком времени. Наряд девочек убедил, что я не в привычном мне две тысячи седьмом. Ни одна дивчина в современном мире так не оденется.

Присев на корточки у ближайшей корзины, стянул с нее тряпку. Как я и думал, внутри лежала провизия.

— Надеюсь, они не обидятся, сами ведь бросили.

Остаться тут мне не хотелось, кто его знает, где я. Поэтому, подхватив обе корзины, быстрым шагом, изредка ойкая, когда наступал на острый сучок, направился в глубь леса. Короче, в ту сторону, куда садилось солнце. Противоположную той, куда девчонки шли и куда убежали.

Шел долго, почти час, пока впереди не появился просвет между деревьями, явно указывающий на приближение опушки. Желудок уже давно бурчал, намекая, что пора подкрепиться, но я старался уйти как можно дальше, поэтому особо на него внимания не обращал.

Поставив обе корзины под дуб, я осторожно двинулся на разведку.

Впереди действительно оказалась опушка. Выйдя из-под деревьев, я осторожно продрался через высокий кустарник, исцарапав руки, бока и ноги, и выбрался на дорогу, почесывая царапины.

— И что мы видим? — пробормотал я себе под нос, присаживаясь у ближайшей колеи.

Двухминутное изучение выющейся у опушки дороги дало понять, что тут проезжали не только телеги, но и машины. В пыли отчетливо отпечатался рисунок протектора. Причем на удивление узкого, как у мотоцикла, но, судя по ширине колеи, все-таки не мотоциклетного.

Встав, я посмотрел сперва в одну сторону, потом в другую. На дороге было пусто, впереди раскинулось поле, засеянное молодой пшеницей. Еще зеленой, хотя и уже высокой. Выходило, сейчас примерно начало лета. По посевам я не то чтобы спец, но приходилось выезжать в поля. Наш директор был тесно знаком с одним председателем колхоза, отчего детдомовцы частенько все лето проводили в этом колхозе. Но зато зимой было что кушать. Я знал, что не всем детдомовцам нравилось в деревне, но мне там было интересно, поэтому выезжал я на посевные и уборочные с удовольствием.

Тягуче сплюнув на пыльную дорогу, я вернулся к корзинам. Подхватив их, приблизился к опушке и, устроившись в густых кустах, стал готовить поляну. Стянув с обеих корзин куски ткани, один подстелил под задницу, а другой использовал как скатерть.

— Тэк-с, посмотрим, что там есть.

При первом заглядывании я только и рассмотрел бутылку в одной из корзин да несколько яиц, сейчас же, выкладывая снедь, прикидывал, что съесть сразу, что оставить на потом.

В корзинах была традиционная крестьянская еда: по бутылке с молоком, по краюхе хлеба, завернутых в грубую холстину, сало. В одной простое соленое, в другой копченое. Еще яйца, пара пирожков с картошкой, перья зеленого лука, соль в маленьких пакетиках, по головке лука, немного чеснока. В общем, обычная и простая еда. Помидоров и огурцов не было.

Вставала проблема с ножом, его в корзинах не оказалось. Видимо, те, кому несли снедь девчушки, имели свои тесаки. А как мне быть? Вздохнув, я завернул сало обратно и стал, отламывая куски хлеба, запивать их молоком из бутылки.

Я уже почти закончил трапезу, когда услышал перестук копыт и скрип телеги.

Быстро пригнувшись, хотя с дороги меня заметить было невозможно, я отставил бутылку в сторону, снова заткнул ее кукурузной кочерыжкой, положил остатки хлеба обратно в корзину и, стараясь не шуметь, скользнул к дороге.

Осторожно выглянув из-под куста, присмотрелся.

— Все-таки наш мир, — вздохнул я, видя впереди крах своих надежд. По дороге действительно ехала телега, причем управлял лошастью каурой масти самый настоящий старинный милиционер. В смысле, в старинной форме. Он был в синих галифе, в начищенных сапогах, в белой гимнастерке с четырьмя треугольниками в петлицах. Так называемая старшинская «пила», я знал, что это было за звание. На